

«КАКИМ ВЫ ВИДИТЕ МЕСТО РОССИИ В ЕВРОПЕ?»

ТАКОЙ ВОПРОС GUIDE ЗАДАЛ ДВУМ РОССИЙСКИМ ЭКСПЕРТАМ, ИМЕЮЩИМ СВОЕ ВИДЕНИЕ ЭТОЙ ПРОБЛЕМЫ. ОТВЕЧАЮТ ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА ЕВРОПЫ РАН НИКОЛАЙ ШМЕЛЕВ И ЗАМПРЕД КОМИТЕТА ГОСДУМЫ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ НАТАЛИЯ НАРОЧНИЦКАЯ.

«НАШЕ БУДУЩЕЕ — В ЕВРОПЕ. НО ЭТО САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ»

НИКОЛАЙ ШМЕЛЕВ
АКАДЕМИК РАН,
ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА
ЕВРОПЫ РАН

ФОТО ДМИТРИЯ АЗАРОВА

Я отношу себя к умеренным еврооптимистам. И это не только моя личная позиция, но и позиция того института, который я представляю. У меня не возникает никаких иллюзий и никаких фантазий по поводу того, что мы вот-вот станем членами Евросоюза или присоединимся к НАТО. Жизнь показала, что на деле все гораздо сложнее. Нет сомнений в том, что российская цивилизация — это часть европейской: и по истории, и по жизни, и по интересам, и по географии. В общем, по всему.

И это при том, что все мы имеем свою самостоятельную судьбу, свою собственную историю и различные взгляды на будущее.

Я бы не стал загадывать, как будет происходить сближение России и Европы. Оно началось и постепенно развивается. Вообще прогнозировать больше чем на 15 лет вперед не имеет смысла, потому что за этот срок в мире может произойти такое, что все привычные устои перевер-

нутся с ног на голову. И все же, несмотря на весь скепсис, я уверен, что четыре «дорожные карты», подписанные в этом году, — это то русло, по которому мы будем двигаться. Это уже следующий вопрос, насколько эффективно. Но важно одно — это на самом деле возможно.

В перспективе на 2050 год можно ожидать четыре степени свободы в отношениях Европейского союза и России. Я имею в виду свободу передвижения товара, капитала, знаний и людей. Возможно, этот процесс будет трудным и многое придется изменить. Европейцам придется менять как минимум свое отношение к России. А нам — юридическую и экономическую системы. Но тем не менее осуществить все запланированное сейчас возможно. Это цели — рациональные, хотя они и не для одного дня и даже не для одного десятилетия.

Я не верю в то, что Россия когда-либо присоединится к Евросоюзу. Более того, я не верю в то, что когда-либо это смогут сделать Украина или Грузия.

Дело в том, что Евросоюз до сих пор никак не в состоянии переварить даже десяток новых членов. А тут уже стучатся в дверь нестабильные балканские государства. А ведь Балканы — это пороховая бочка Европы, и это значит, что переварить их будет намного сложнее. Если когда-нибудь эти страны присоединятся к ЕС, то есть опасность, что такой прекрасный проект, как Европейский союз, рухнет. Он разрушит-

ся изнутри. Объединенная Европа просто не сумеет переварить все эти беспокойные восточноевропейские государства.

Но невозможность присоединения к Евросоюзу, естественно, не отменяет необходимости сближения. А это и либерализация экономических отношений, и реализация совместных проектов в сфере энергетической безопасности, и решение энергетических проблем Европы. В этом смысле мы, Россия, самый серьезный игрок на энергетическом рынке.

Еще необходимо решить транспортную проблему. Наш научно-технический потенциал тоже нужен Европе. Я убежден, что будет развиваться и наше гуманитарное сотрудничество, которое никогда не прекращалось, даже в самые темные советские времена. И в этом смысле я верю в развитие наших отношений, но не питаю никаких иллюзий. Я не за белых и не за красных, я — реалист.

Действительно, к России со стороны Европы сохраняются некоторые недоверие. Особенно у новых членов Евросоюза. Но я думаю, это длительное историческое недоверие. У России не больше грехов перед человечеством, чем у европейских соседей. Вспомним, к примеру, что погибших во время опричнины Ивана Грозного было вдвое меньше, чем зарезанных в Варфоломеевскую ночь во Франции. Но не нужно забывать, что Россия сломала шею Наполеону, Гитлеру, холокосту.

Недоверие к России — вековое. И Россия сама многое добавила, чтобы оно устоялось. Но мы ничем не хуже западных партнеров. Ведь можно ставить и Америке, и Европе в упрек разбомбленную Югославию, Америке — Вьетнам, а нам — Афганистан. Наша грандиознейшая ошибка — большевистский террор. Россия была безумно жестока в 30-е годы XX века. Но если вспомнить германский фашизм, можно сказать, что и Европа была такой же.

Да, Россия во многом не похожа на Европу. Многие нужно исправить во внутреннем устройстве и в том, что касается прав человека, европейских ценностей и государственного устройства и права. Все это наши ориентиры. Я не вижу непреодолимых цивилизационных барьеров, которые мы не смогли бы на этом пути перешагнуть.

А что касается так называемых духовных различий, то я в них и вовсе не верю. Духовный потенциал у нас один. Россия — великий пример векового сосуществования различных культур. А что касается идеалов Евангелия — они одни для всех.

Мы не более умные, как и не более глупые. Не более пьяные и не более ленивые, чем Европа в целом.

Наше будущее — в Европе. Но это самостоятельное будущее. Брюссель не может решать за Москву, как ей следует поступать. ■

«БУДУЩЕЕ РОССИИ — ЭТО БУДУЩЕЕ ЕВРОПЫ. НО, ПОХОЖЕ, ЕВРОПА, КАК И ВО ВРЕМЕНА ПУШКИНА, „В ОТНОШЕНИИ РОССИИ СТОЛЬ ЖЕ НЕВЕЖЕСТВЕННА, КАК НЕБЛАГОДАРНА“»

НАТАЛИЯ НАРОЧНИЦКАЯ
ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ
НАУК, ЗАМЕСТИТЕЛЬ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
КОМИТЕТА ГОСДУМЫ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ДЕЛАМ, ПРЕЗИДЕНТ
ФОНДА ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПЕРСПЕКТИВЫ

ФОТО ДМИТРИЯ ДУХАНИНА

На самом деле дилемма «Россия — Европа» не изжита не Россией, а именно Западом. Европа построила рай на земле, но так и не избавилась от нигилизма к русской истории, неуверенности перед громадностью, потенциальной самостоятельностью России, а главное, перед ее вечно самостоятельным поиском универсального смысла бытия.

Является ли Россия частью Европы? Конечно. Россия и Европа были более всего едины дважды: в эпоху допросвещения и в XX веке — в период коммунизма. И это не парадокс.

На чем зиждется общеевропейское единство? Где впервые дана идея универсальных целей и ценностей

личного и всеобщего бытия? В американской конституции? Нет — в христианском Откровении. Что прежде всех конституций объединяло немцев, сербов, французов, англичан и русских в одну цивилизацию? Опыт последнего столетия скорее разъединяет. Но объединяет «Отче наш», Нагорная проповедь — вот общий фундамент нашей культуры и истории. А в нем — отношение к земной жизни как к испытанию для жизни вечной, в нем — свобода воли (христианская, а не либеральная категория), дарованная вместе со способностью различить добро и зло, а значит, дать нравственную оценку своему свободному выбору. Из христианства родилась и идея этического равенства людей, ибо впервые царь и раб были судимы по одним критериям в отличие от языческого «что дозволено Юпитеру, не дозволено быку».

Спор о первенстве в обладании Христовой истиной разделил Европу и Россию, но отнюдь не сделал их разными

цивилизациями. Романо-германская и русская православная культура стали двумя попытками и дали разный ответ на главный вопрос христианской истории: преодоление искушения плоти хлебом и гордыни — властью. Разделил их вольтерьянский хохот. И на пороге XX века, когда персонажи Золя теснили героев Шиллера, когда Европа, по выражению Константина Леонтьева, «сама в себе уничтожила все великое, изящное и святое», Россия не была частью цивилизации, что выросла из Декартова рационализма, идейного багажа Французской революции и протестантской этики мотиваций к труду и богатству.

Революционная интеллигенция бросилась догонять. Россия опять по-иному выразила даже отступление от Бога: гетевский Фауст — воплощение скепсиса горделивого западного ума, не терпящего над собой никакого судии, а Иван Карамзин — дерзкий вызов Богу русской гордыни, не желающей терпеть пощущение зла на земле. Демон индивидуализма и бесы социальности — вот кто яростно столкнулся в XX веке, при этом равно унаследовав из вечные западные фобии в отношении православия и России, рядившиеся в разные одежды, но единые для папства и безбожника Вольтера, для маркиза Огюста де Кюстина и Карла Маркса, для Владимира Ленина и для постсоветских западников: «царизм», «русский империализм», «филофейство», «византизм», «варварство варягов».

Так дилемма «Россия — Европа» органично вошла в новую «великую схизму» эпохи постмодерна, в которой опять соперничали идеи из одного родового гнезда — на сей раз Просвещения. Коммунизму и либерализму равно свойственны универсализм, отождествление с вселенскими идеалами. Да и общность цели при разнице средств налицо: униформное глобальное сверхобщество на безрелигиозных безнациональных стандартах. Идеологическая борьба уподобилась религиозной войне католиков и протестантов, ибо применение западного коммунизма на русской православной почве сделало его в глазах Запада куда более опасным, чем любой гипотетический коммунистический эксперимент на самом Западе.

Острота холодной войны была подстегнута восстановлением территории Российской империи и плебейской гру-

бостью третьесословной *liberte* и пролетарской *egalite*. Президенты и генсеки, воспитанные не на Моцарте, а на вестернах и на «Шурике», очень далеки от князя Меттерниха и князя Горчакова, и вместо «la Russie se recueille» показывали «кузькину мать» и стиль Рэмбо. В остальном ни американское вторжение на Кубу, ни советское в Венгрию и Чехословакию не явили ничего нового, но отождествление себя с морально-этическими канонами универсума делало соперника вселенским врагом.

Что же такое сегодняшние Европа и Россия?

Грустно ощущать себя в Совете Европы единственной, еще знающей баллады Шиллера наизусть, и слушать рассуждения про троцкистские «Соединенные штаты Европы». Это ли не пародия на Европу Петра, когда вера, отечество, честь, долг, любовь были выше жизни. И какво же историческое чутье Пушкина, который «познал истину», «сделавшую его свободным» (Ин, 8, 32) и опознал пустоту свободы внешней при утрате свободы внутренней: «Недорого цену я многие права, от коих не одна кружится голова!» Ныне суверенным в плену плоти и гордыни индивидам чужды Декартовы страсти души, их удел — гедонизм и нарциссизм.

Русский интеллигент прошлого, околдованный улыбкой Джоконды и шекспировскими страстями, блеском картезианской логики и жадной познания Гете и павший перед закливанием «свободы, равенства и братства», увидел бы сегодня лишь кабалистические столбики интернета и всемогущие банковского процента — подлинного хозяина *liberte*, крушителя цивилизаций и могильщика великой европейской культуры.

На фоне впечатляющих перспектив расширения Евросоюза «старая» Европа утрачивает себя как исторический проект. Мир в сознании сегодняшнего европейца — не более чем гигантское хозяйственное предприятие для удовлетворения плоти индивидов, а Европейская конституция — скучнейший образец творчества либерального «Госплана». В разделе «ценности» вообще не перечислены оные — лишь функциональные условия для них, священные коровы либерализма XXI века — «права человека», «свобода» и «демократия». Вне ценностей они

остаются лишь провозглашением кредо не иметь никакого нравственного целеполагания жизни и истории. Но для чего Европе нужна свобода? Чтобы «гнать перед собой врагов и грабить их имущество», как определил высшее благо Чингисхан? Или чтобы спастись «алчущим и жаждущим правды» (Нагорная проповедь)?

Ценностный нигилизм — это и есть конец истории. Поэтому для Европы заканчивается эпоха культуры как порождения духа. Остается технократическая цивилизация. Это уже не метафизический «Рим» — незримый центр, где свершается всемирно-историческое, это Рим языческий с его паническим страхом перед физическим несовершенством, старением и смертью. Но такой Рим со всем его материальным превосходством — водопроводом, термами, Колизеем и Форумом — уже был сметен Аларихом вестготским. Сегодня технократия бесцельна перед мигрантами вовсе не потому, что тех много и они иные, а потому, что у нее нет святынь — одни компьютеры и «права», которые мигранты заполняют своими святынями.

А что же Россия? Мир все еще ждет, чем ответит страна Достоевского на вызовы XXI столетия. Между тем идейные гуру перестройки прорыдали: «Рынок, Pepsi». Незамысловатость их «исторического» проекта объяснима: цель — привычно материалистична, тезис о «переходе от тоталитаризма к демократии» — копия постулата научного коммунизма «главное содержание нашей эпохи — переход от капитализма к социализму». Но кто спорит о достоинствах рынка и необходимости демократии? Просто это всего лишь инструмент, а не историческая перспектива.

Хотя в 1917 году православие в России попытались распять и заковать в цепи, оковы рухнули, и оскудевший, но живой его дух высвободился. Вот и идет все еще в России подлинно исторический спор, живем ли для того, чтобы есть, или едим, чтобы жить, и зачем живем... Пока это волнует, не будет конца истории. А будущее России — это будущее Европы. Но, похоже, Европа, как и во времена Пушкина, «в отношении России столь же невежественна, как неблагодарна». ■